➤ для лечения аллергических и хронических обструктивных заболеваний легких), психотерапию.

Новое слово в военной медицине – спелеотерапия. В кабинете спелеотерапии проводится лечение больных с заболеваниями бронхов и легких. Постоянно совершенствуется технология спелеотерапии, изучается эффективность применения различных солей и их смесей при ликвидации бронхиальной обструкции, влияние на состояние иммунитета у больных.

При создании отделения специальных методов лечения кабинет иглорефлексотерапии был введен в состав этого отделения с целью внедрить иглорефлексотерапию для лечения больных из всех отделений при различных видах болезней, особенно с лекарственной непереносимостью. Заведующая кабинетом невролог-иглорефлексотерапевт Инесса Викторовна Иванова внедрила в работу кабинета дополнительно к применявшейся классической акупунктуре еще и методы фармакопунктуры (введение лекарственных веществ на кончике иглы для иглорефлексотерапии в биологически активные точки), цубо-терапии (аппликация магнитными шариками), цзю-терапии (термопунктура), мэйхуачжень-терапии (поверхностная рефлексотерапия), акупрессуры, лазеропунктуры.

Особое слово следует сказать о мануальном терапевте подполковнике медицинской службы в отставке Геннадии Васильевиче Тулине. Вернее, о его золотых руках. Ему понадобилось всего три сеанса, чтобы избавить меня от болей в правом плече, мучивших уже полгода из-за напряженной работы за клавиатурой компьютера. Фактически между делом вернул здоровье вашему покорному слуге.

Самая молодая и наиболее сложная область медицины – нейрохирургия сформировалась в научную дисциплину в начале XX века и стала развиваться стремительными темпами.

С 1997 года по настоящее время отделение нейрохирургии возглавляет выпускник Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова полковник медицинской службы М.А. Стома. Старшим ординатором отделения с 2002 года является Ю.Б. Алешкевич.

Сейчас в отделении нейрохирургии осуществляются практически все виды вмешательств на головном и спинном мозге. Врачами отделения внедряются новые методики лечения с применением современных технологий, а также оказывается консультативная и практическая помощь в гарнизонных госпиталях и больницах Министерства здравоохранения РБ. Врачи отделения поддерживают деловую связь с кафедрой нейрохирургии Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова

и БелНИИ неврологии, нейрохирургии и физиотерапии.

В ноябре 1994 года для оказания практической и консультативной помощи военнослужащим в военных и гражданских лечебных учреждениях на территории Республики Беларусь в госпитале была создана группа экстренной медицинской помощи.

В 2003 году группа экстренной медицинской помощи преобразована в медицинский отряд специального назначения. В отдельные годы командировки врачей на выезде доходили до 200 дней в году с выполнением на месте оперативных вмешательств нетранспортабельным больным и последующей их транспортировкой в госпиталь по стабилизации состояния. Врачи-нейрохирурги группы (отряда) непосредственно работают и совершенствуют свои знания на базе отделения.

С 1998 года по настоящее время коллектив среднего и младшего медицинского персонала возглавляет О.П. Филипеня. Продолжают передавать опыт молодым медицинским сестрам ветераны отделения Л.В. Хомчановская, В.И. Бердашкевич. Уют в отделении с 1981 года поддерживает сестра-хозяйка О.В. Новичек.

432-й Главный военный клинический госпиталь прошел трудный путь за 200 лет своего существования. Тут стоит заметить, что в нашей стране вряд ли можно найти второе учреждение с такой же датой основания.

Это обстоятельство позволяет сказать, что история современной белорусской медицины – это и есть история госпиталя.

Если в ранние годы своей работы госпиталь имел всего два отделения – терапевтическое и хирургическое, то сегодня это многопрофильное специализированное лечебное учреждение, учебный и научный центр медицинской службы Вооруженных Сил Республики Беларусь, клиническая база военно-медицинского факультета Белорусского государственного медицинского университета. В госпитале развернуто 34 диагностических и 37 лечебных отделений. За послевоенный период защищено 25 диссертаций, из которых две докторские и 23 кандидатские. В настоящее время в госпитале работают доктор медицинских наук полковник медицинской службы В.Н. Бордаков, кандидат медицинских наук подполковник медицинской службы Ю.С. Лысый, шесть заслуженных врачей Республики Беларусь – В.Д. Бекоев, А.Г. Захаров, Ю.С. Денещук, Н.А. Абрамов, полковник медицинской службы Н.В. Смирнов, полковник медицинской службы В.А. Пландовский. 275 медицинских работников имеют высшую квалификационную категорию.

Кроме военнослужащих, в госпитале проходят лечение пенсионеры Вооруженных Сил и члены их семей, участники Великой Отечественной войны, узники фашистских концлагерей и воины-интернационалисты. Также в госпитале получают необходимую помощь сотрудники других силовых структур Республики Беларусь, лечение которых невозможно в ведомственных лечебных учреждениях. Предоставляются и платные услуги гражданам, не связанным с военным ведомством, – мера скорее вынужденная, продиктованная временем. Медицинские услуги госпиталя тарифицированы государством, и это обстоятельство привлекает пациентов, которым необходима относительно недорогая, но высококвалифицированная помощь. В этом плане госпиталь весьма выгодно отличается от различных медицинских центров, повсеместно возникающих в стране и предлагающих свои услуги по баснословным, прямо скажем, ценам. И как показало время, некоторые медцентры не отличаются особой добросовестностью, предпочитая освобождать кошелек пациента от денежных знаков, а не проявлять искреннюю заботу о его здоровье.

Но главное богатство и достижение 432-го Главного военного клинического госпиталя – это то, что под его крышей собраны высококвалифицированные специалисты, прославившие госпиталь своими трудами, создавшие ему репутацию современного лечебного учреждения, способного успешно бороться со многими серьезными заболеваниями. ★

Сто одна пятница доктора Добриянца

Прапорщик Сергей КЛИМКОВИЧ,
корр. журнала «Армия»

«Сто одна пятница» не просто исповедь врача, видевшего безобразный лик смерти, почувствовавшего на себе алчное дыхание войны. Это исповедь человека совестливого, страдающего и переживающего за каждого, кто прошел через его руки в Афганистане. Исповедь человека с чувством долга, но со слабостями, заблуждениями и страхами. Человека, безмерно любящего жизнь, жену, дочку, родителей, брата

Сто одна пятница – два года в жарком, кровавом пекле. Обыденном, однако, до полного неправдоподобия, с немудрено обустроенным бытом, в котором сегодня можно было потерять друга, завтра самому лишиться жизни, а оставшись в живых, до конца дней своих так и не обрести душевного покоя.

Сто одна пятница – спрессованные работой, суматошные недели, проникнутые тоской по дому и ожиданием оттуда писем.

Сто одна пятница – странный отсчет, если не знать, что начало ему положила любовь… Они с женой договорились вспоминать именно в этот день недели друг о друге, что бы ни случилось. И надеяться на тот счастливый момент, когда их будет разделять не сто, а только одна пятница. Впрочем, лучше вообще ни одной…

Совершенно невозможно подсчитать, сколько написано о боевых действиях советских войск в Афганистане за последние 25 лет. Тут и бодрые отчеты тогдашних журналистов, и сухая, почти канцелярская военная статистика, и пронзительные бардовские песни, и послевоенные исповеди офицеров и солдат, попавших в «дружескую Республику Афганистан для выполнения интернационального долга».

О людских потерях в «Афгане» говорили в начале восьмидесятых вполголоса. Многие догадывались, что Союз ведет настоящую войну где-то в жаркой и далекой Тьмутаракани. Да и как не догадаться? Оттуда непрерывным потоком везли в родные пенаты гробы. Оттуда возвращались инвалиды или совсем не похожие на себя прежних молодые парнишки. В газетах же все красиво и благородно: мы помогаем афганским крестьянам, организовываем социалистическое строительство, учим, направляем. Но страна знала правду. Гнилое дыхание войны чувствовалось даже в самых отдаленных ее уголках.

В жаркой и бесконечно враждебной утробе афганского молоха побывало около 30 000 воинов-белорусов. Где-то в пыльных архивах хранятся подробнейшие сведения о том, сколько человек погибло и сколько было буквально вытащено с того света врачами. Военные медики скрупулезно учитывали жертвы и видели изнанку той войны, вероятно, больше, чем кто бы то ни было. Неприглядный, трагический и тщательно скрывавшийся итог боевых действий остался в сухих строках госпитальных эпикризов и в подробных послеоперационных протоколах. Однако за этими строками не только боль и страдания выживших бойцов, но и тяжкий труд самих врачей. Впрочем, не только труд, но и испытание души и разума на прочность.

Весной 1984 года старшего лейтенанта медицинской службы Александра Добрияна срочно вызвали в управление кадров танковой дивизии. Сообщили, что он в плане на отправку в Демократическую Республику Афганистан в качестве ведущего хирурга медицинской роты.

Заслоново – небольшой военный городок. Слухи распространяются быстро. Как ни хотел утаить новость от жены, все равно не получилось. Узнала от кого-то, куда он ходил, и словно невзначай поинтересовалась, зачем его вызывали к «кадровикам». Увиливать и лукавить не стал. У Ларисы от нахлынувшего страха началась истерика. Как жена офицера она чутко прислушивалась к разным историям из Афганистана, недоступным карандашикам военных цензоров. К тому же все в городке слышали про нескольких офицеров, вернувшихся домой в цинковых гробах. Вот и выплеснулись разом все ее потаенные переживания.

Саша дал жене возможность «выпустить пар». Успокоил, как мог. Но где он теперь, этот покой?

До последнего момента Лариса наивно надеялась, что мужа «не заберут». Из-за зрения. «У тебя ведь близорукость и астигматизм. Они должны понимать». Саша не разубеждал ее и не спорил. Хотя знал, что «не заберут» только в одном случае – если он скоропостижно и навсегда ослепнет. Ехать «туда» Саше Добрянцу, конечно, не слишком улыбалось, но и увиливать не стал, как иные коллеги, вдруг находившие у себя кучу болезней.

В аэропорту они долго стояли у терминала, прощаясь. Толпа, спешившая на посадку, равнодушно обтекала их.

Он жалел ее. Она жалела его.

Любовь может проявиться не только в безоглядной, слепой и безрассудной страсти, но и в тихой, горькой, вынужденной, нежеланной разлуке. А в их случае разлука не обещала скорой встречи.

Потому они продолжали стоять у всех на пути, чем вызвали раздражение у одного пассажира: «Может, хватит уже лизаться? Стоят, понимаешь, тут на дороге…»

Заплаканная Лариса резко развернулась и хлопнула нетерпеливого мужика сумочкой. Голос ее гулко взлетел, выдав отчаяние: «Ты хоть знаешь, куда он едет?!»

«13.06.84 г.

Здравствуй, дорогой братец Сережка!

Наконец-то я добрался до конечного пункта своего назначения.

Ну, что, Сережа, тебе написать? Конечно, впечатлений много. Такое чувство, что попал на другую планету. У нас здесь сейчас в тени +54° С. На улице, на солнце находиться невозможно. В тени – и то не долго. Благо, что хоть условия жизни неплохие. Я живу в комнате на 4-х человек. В комнате кондиционер (работает постоянно). Есть душ, но вода в нем теплая. Самое прекрасное то, что в том учреждении, где я работаю, есть бассейн с чистой и прохладной водой…

Да, Сережа, попал я в г. Джелалабад, это на востоке Афганистана, у самого Пакистана (вот отсюда все выводы можешь сделать о характере моей службы). Но в общем-то все неплохо. Много зелени, фруктов. Но, повторяю, это самое жаркое место Афганистана. Пекло.

…Двое суток был в командировке, ездил в Кабул (летел) на встречу с главным специалистом, представился, получил должность. Сейчас все, можно начинать работать по-настоящему.

Вот мой адрес (он очень прост).

Индекс: 093992

Полевая почта 93992-ц

Добрияну Александру Ивановичу.

Целую тебя и обнимаю! Очень жду писем».

Писал Саша Добриянец брату не обо всем. Кто-то предупредил о ретивой цензуре, вычитывавшей письма, шедшие из «Афгана»: как бы чего лишнего не просочилось в Союз.

А не написал он о многом. К примеру, о свалке сгоревшей авиационной техники на краю кабульского аэропорта; о штабелях длинных ящиков, готовившихся к погрузке на транспортный самолет «Черный тюльпан». Не написал о том, что ребята в колонне военной техники, которые подвезли его от джелалабадского аэродрома к месту службы, весело и бесцеремонно сорвали с него франтоватую фуражку с красным околышем и забросили в темный зев люка БМП промокший от пота китель: «Не светись, старлей! Снайпер снимет, как два пальца об…»

Не написал также о том, что в первые же дни службы в медроте пригласили его к операционному столу ассистировать хирургам, мол, давай, вживайся в обстановку, покажи, на что способен. А на столе коллеги его возраста делали то, с чем Саша Добриянец до этого не сталкивался. Негде было сталкиваться в мирном городке Заслоново с такими обширными и сложными повреждениями. Там аппендицит да грыжа, а тут сложнейшие операции при ранениях груди, живота, черепа, конечностей… Пули, часто рикошетя от камней, брони или костей самих людей, шинковали внутренние органы как капусту, и здешние бывалые хирурги виртуозно все это крошево исправляли. Саша сразу понял, что не потянет должность ведущего хирурга, на которую его прочили. Немыслимо стать во главе ребят, которые делали больше, чем он умел. Сам согласился на нижестоящую – начальником приемно-сортировочного отделения, уступив место капитану Валентину Северину, прослужившему в медроте больше года и оперировавшему любую травму, любое ранение грамотно и умело.

Практически каждый день в медроту 66-й отдельной мотострелковой бригады поступали раненые и убитые. Особенно жутко было, когда с «вертушек» сгружали ребят – грязных, простреленных, в окровавленных бинтах… Бывалые врачи уже привыкли – поступивших бойцов быстро осматривали, распределяли по сложности ранения, кого-то моментально отправляли на операционный стол. В медроте столпотворение, кровь, хрипы, стоны, мат… Саша Добриянец первое время не просто терялся – не знал, за что и хвататься. Руки тряслись. Только через несколько дней собрался и начал работать. Потом уже не было времени задумываться.

Привыкал Александр Иванович к новой службе тяжело. Как-то все разом навалилось – новые сослуживцы, строптивый прапор из подчиненных фельдшеров, ждавший только возвращения в Союз, непростой климат, чудовищная диарея («адаптационная» – успокаивали его знающие люди), необходимость оформлять кучу документов на поступающих в медроту бойцов и… подготовка к проверке из Москвы, наезжавшей раз в полгода. Куда ж без столичных проверяющих? Стал Саша срочно «подбивать» статистические данные: сколько поступило убитых, раненых, как им оказывалась медицинская помощь, какие ошибки были допущены при ее оказании …

«Словом, закопался в бумагах первое время. Тогда мне это казалось важным. Честно говоря, поругался и, признаться, даже чуть не подрался с нашим хирургом Севериным. Тот кричал: «Что ты занимаешься этой «бухгалтерией»?! Тебе надо оперировать, работать!»

Но хорошо, если только оперировать. А ведь иные просто сходили с ума. Немногие, но все же…

Офицер, сопровождавший группу раненых и убитых, «заняв огневую позицию», очередями из автомата сдерживал на каменистой вертолетной площадке подъехавших для разгрузки санитаров. Рядом с санитарами, вжавшись в раскаленные камни, лежал экипаж вертолета. И пока не расстрелял последний рожок, никого к раненым не подпустил.

Сегодня полковник медицинской службы Александр Иванович Добриянец, проходивший службу в 66-й мотострелковой бригаде под Джелалабадом с 1984 по 1986 год, рассказывает об этом с интонацией человека, не осуждающего даже такую, несомненно болезненную крайность. Кому, как не врачу, знать, насколько хрупок бывает человеческий организм, какие тонкие границы отделяют разум от безумия, а жизнь от смерти? Одному солдату раздробило пулей затылочную кость. Открытая рана величиной с ладонь. Мозг прикрывали лишь остатки кожи. Остался жив. А другой от крохотного осколка погибал. Кто-то все два года «Афгана» просто воевал и ждал возвращения в Союз, а кто-то не выдерживал и недели. Скуля в душе от страха, простреливал себе руку или ногу, шел на минное поле в надежде остаться инвалидом, но живым…

«Через меня прошло 1280 – трехсотых, 319 – ноль двадцать первых». Эти таинственные пометки (весьма ненадежная защита от особистов) были сделаны Александром Ивановичем в скромной ученической тетради на последних ее страницах – как итог двухлетней службы в медроте на должности начальника приемно-сортировочного отделения.

«300-е» – это раненые. 1280 человек. А «021»… Так в сводках, подаваемых в штаб армии, обозначали погибших.

В самой же тетради трудно найти что-либо примечательное (может быть, так и задумывалось) – расчерченные клеточки с календарными датами и краткими комментариями:

«1984. Июнь.

8-е – пересек границу.

10-е – прибыл в бригаду.

28-е – получил первые письма от Ларочки (3 шт.).

29-е – 8 писем сразу!!!

26.06 – 2.07 – на операции.

14†/15 ран.

Осталось: 101 пятница».

«Июль. 18.07 – 25.07 – операция. 2†/18 ран.

18-е – обстреляны из безоткатки.

19-е – обстреляны из минометов, 1†/14 ран.

23-е – зажаты в кишлаке, машину обстреляли из ДШК. 1† – у связистов. 12 ран.

25-е – сгорела автоперевязочная.

4†/44 ран.

Осталось: 97 пятниц».

Лаконично. Записи почти бесстрастны – даты, цифры и немудреные крестики, обозначающие убитых. Но это кажущаяся бесстрастность. В ней – тяжкий груз переживаний, тоски по дому, острое желание жить и скорбь по ребятам-сослуживцам, безжалостно искалеченным, изуродованным пулями, огнем, осколками и ножами «правоверных». На памяти Александра «духи» вернули живыми лишь двух пленных бойцов. Их нашли в тенечке под деревом со страшно раздутыми ногами. А раздуты они были от того, что моджахеды напихали под кожу грязи, кизяка и всякого мусора. Сделали так называемые «чулки». Ноги бойцам, чтобы спасти им жизнь, пришлось ампутировать.

Будни

– Поступает нам по телефону сообщение: «Медрота – тревога! К вам летят «вертушки», везут «трехсотых». Десять человек». Все врачи сразу собираются. Не только хирурги, но и терапевты. Они тоже помогали. Достают списки потенциальных доноров в подразделениях. Операционные сестры готовят операционную. Лаборатория включает какие-то свои аппараты.

Вертолеты садятся на площадку метрах в 150 – 200 от медроты. Обычно это Ми-8. Садится пара или две, в зависимости от количества раненых. Их уже ждут наши санитарные машины. А мы стоим у приемного отделения и смотрим: кого ж там будут выгружать? И сразу понимаем, где выгружают убитого, где раненого. И какого раненого – тяжелого или легкого. Видно по тому, как санинструкторы их вытаскивают. Если потихонечку, значит, с тяжелыми ранениями боец. Если немножко пободрее – с более легкими. А если убитый, то, как правило, он завернут в плащ-палатку. И потом «санитарки» возвращаются в медроту. Включенными фарами сигнализируют нам – везем раненых в живот, череп, грудь. Фары не включены – все легкие.

Выгружаем раненых в моем приемно-сортировочном отделении. Хирурги после осмотра сразу распределяют ребят – этого в большой операционный зал, который полегче – подождет в палате, этого просто

перевязать… И тут начиналась работа. Спокойно, без суеты. Разрезалась одежда, открывали, смотрели, где входное, где выходное отверстие; кровит, не кровит… Измерялось давление, считали пульс, оценивали состояние. Если видим, что шок, давление низкое, пульс слабенький, тут же капельницу ставим. Если требовалось дополнительно обезболить, обезболивали.

Жалко, нет ни одной фотографии, как выглядит мое отделение после сортировки. Картина – удручающая. Грязная одежда, лужи крови, бинты окровавленные, ремни, автоматы… Все вперемешку.

В зависимости от сложности ранения операции длились от двух до десяти часов. У нас был случай, когда пуля вошла офицеру в бедро, а выходного отверстия нет. Открываем живот – полно крови и содержимого кишечника. То есть она вошла в бедро, прошла через таз, «погуляла» в животе и умудрилась застрять в легком. За час или за два с подобными ранениями не справиться. Бывало так, что операционная сестра приносила «утку», и хирург оправлялся буквально в ее руках, потому что не мог отойти от стола.

У меня как-то тоже была одна шестичасовая торакоабдоминальная операция. Очень серьезное ранение оказалось у солдата. За эту операцию я удалил разбитую селезенку и размозженную часть тонкой кишки, потом здоровые участки сшил (сделал так называемый анастомоз), провел операцию Гартмана, ушил печень, зашил раненый желудок и диафрагму, поставил дренажи в плевральную полость и сделал ампутацию левого плеча. Отправляли мы солдата в Кабул живым. Что с ним дальше было, я не знаю. Конечно, если он выжил, то стал инвалидом…

Врач-анестезиолог и хирург из соседнего спецназа, возвратившиеся с войны со своими ранеными, не спавшие двое-трое суток, переодевались и становились к операционному столу. Их взбадривали, давали нюхать нашатырь. Они сами просили санитаров бить их по щекам, когда те увидят, что кто-то клюет носом. Вот так и работали.

Что меня еще поразило в «Афгане», с чем я никогда раньше не сталкивался, так это переливание крови и как его в некоторых случаях делали там. Суть в том, что когда мы имеем дело с ранением живота или груди, во внутренние полости изливается собственная кровь раненого. Эту кровь мы собирали, фильтровали через несколько слоев марли и потом эту же кровь капали раненому обратно. Почему? Потому что при кровопотере прокапать собственную кровь гораздо эффективнее и полезнее, чем донорскую. Это так называемая реинфузия крови. Но что меня поражало! Представьте, если ранены кишечник, сосуды, печень. Содержимое кишечника смешивается с кровью. У меня глаза на лоб полезли, когда брали всю эту массу, процеживали и возвращали раненому. Оказывается, это еще опыт Великой Отечественной войны. И ничего, нормально все было.

А иногда мы, медики, ничем помочь уже не могли. Привезли как-то трупы нескольких бойцов, похожие на высохшие мумии. Оказалось, «духи» устроили засаду и загнали их на гору. Окружили и бешеным огнем пресекали все попытки основных подразделений прорвать «блокадное кольцо». День отстрелялись, а ночью ушли. Когда наших бойцов нашли, стало понятно, что может сделать с людьми без воды и на открытой местности афганское солнце. Они были похожи на мумии – высохшие, обезвоженные… Те, кто выжил, получили отек мозга и умерли позже.

Семеро вечно молодых

– …Привезли человек семь наших ребят. Они попали в засаду, и «духи» их всех перебили. Потом выбросили на дорогу. Первая «моя» партия убитых. Ребята все – солдатики… Они, видимо, оказывали друг другу помощь, какие-то ветки ломали, накладывали импровизи- ➤

рованные шины, перебинтовывали… А когда бинтов не хватило, перевязывали ремнями, рвали форму… Ну и самое страшное то, что все они были до неузнаваемости обезображены. Опознавали их так: приходили ребята-сослуживцы и говорили, что вот у него был шрам, а у того татуировочка. Как правило, опознавали…

Везунчики

– Была у нас такая традиция: на боевых действиях усиливать медицинское обеспечение подразделения в первую очередь «молодыми», то есть недавно прибывшими в медроту врачами. Это понятно – более опытные специалисты оперировали лучше и были нужны в медроте. И как раз в конце июня прошла информация, что бригада готовится к большой операции в провинции Кунар, в районе Асадабада. Послали меня и терапевта Колю Баранова, моего земляка. Он не очень любил заниматься лечебной работой в медроте и постоянно уезжал на операции с боевыми подразделениями.

Были большие потери в той боевой операции. Раненые, убитые… Ехали обратно «на взводе». Офицеры, бойцы… Проезжали мы мимо небольшого кишлака. И вроде все было тихо. Жители выходили, женщины из-за заборов выглядывали. Мы считали, что все нормально, проедем этот кишлак спокойно. И уже при выезде из кишлака вдруг выстрел из гранатомета по одной из замыкающих машин. Граната прошила БМП навылет. Сбоку броня была не очень мощная, и стреляли почти в упор. Кумулятивный заряд гранаты не успел взорваться. Она просто прожгла броню БМП и где-то в стороне взорвалась. Ребятам-десантникам, сидевшим внутри, страшно повезло. К счастью, никого серьезно не задело. Но они все были в мелкой окалине и осколочках сгоревшего металла. Единственно, пришел к нам с Колей Барановым в автоперевязочную офицер, которого все звали Фужер – небольшого росточка, щупленький, бойкий хлопец. Звали его так не потому, что он был большим любителем выпить (хотя и не без этого), просто у него на одной из операций был такой радиопозывной. Вот и прилепилось – Фужер и Фужер. Попросил помочь. Посекло ему лицо этой окалиной, наверное, сильнее, чем остальным. Кое-что я ему повыковыривал, а потом говорю: «Знаешь, не буду я тебя мучить. Осколки все на поверхности – сами отойдут. Давай лучше зеленкой намажу». И намазал его, как детей при ветрянке. Фужер намекнул про обезболивающее. Налили ему немножко спиртика. Посидели втроем, отметили «везунчиков».

Счастливчик Фужер

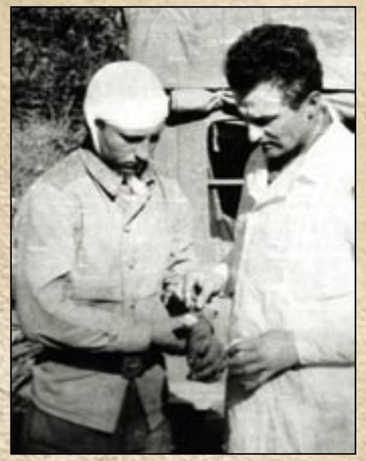
– Кстати, с тем самым офицером, которого все звали Фужером, случилась еще одна интересная история.

Влюбился он в нашу медсестричку. Сам Фужер был худой и маленького роста. Словом, непривлекателен. И так он к своей зазнобе подкатывал и эдак, ничего не выходило. Медсестра хоть и не воротила носик, но давала понять, что перспектив никаких у Фужера нет.

И вот привозят Фужера в медроту после боевой операции с ранением. Открываем, смотрим и ужасаемся! Более «счастливого» ранения не придумать. Пуля-дура, не задев ни одного крупного сосуда и ни одной кости, пробила ему бедро, прошла под его мужским достоинством и вышла через другое бедро. Офицера прооперировали и оставили, естественно, на попечение медсестер. Зазноба его давняя была в их числе. Стала ухаживать за Фужером, прониклась жалостью, привязалась, и вскоре так долго осаждаемая крепость сдалась. Кажется, они даже поженились и вместе уехали в Союз.

Невезучий

– Однажды привезли труп офицера, убитого на марше при обстреле колонны. «Духи» ведь так: постреляют, постреляют и уходят. Гоняться за такими одиночками смысла не имело. И вот привезли тело. По-моему, это был старший лейтенант. Мы его крутили и так, и эдак, ну никак не можем найти входное пулевое отверстие. Не можем понять, отчего он умер. А потом решили тело переложить, ребята взяли за руки, за ноги, и тут ротный говорит: «Стоп!» Увидели под мышкой маленькую



дырочку. Оказывается, когда начался обстрел, старлей, сидевший на броне, решил, видимо, прыгнуть в люк. А как прыгают? Руки подымают вверх и буквально падают внутрь. В этот момент пуля вошла ему под мышку и где-то в грудной клетке осталась. Упал, рукой рану прижал, так что даже кровь не появилась. И все.

Ранение в «интересное» место с неинтересными последствиями

– Во время одной боевой операции привозят ко мне раненого сержанта из разведроты. Он смеется, улыбается, говорит, мол, вот, черт, это ж надо! Получил ранение в такое… деликатное место. Ну, конечно, выражался он по-солдатски. Пуля вошла ему в ягодицу. Казалось бы, в самом деле, ничего страшного. Но суть в том, что там такая анатомия… Под ягодицей лежит очень крупная артерия. Я посмотрел, а у него повязка сильно промокает кровью. Стало понятно, что, по всей видимости, повреждена ягодичная артерия. И остановить такое кровотечение очень сложно. Если на конечность можно наложить жгут, перевязать, то тут, в глубине мышц, не найти эту артерию и зажим не наложить. А кровь свищет и свищет… Единственная надежда – туго затампонировать рану бинтами и ватой, сделать своеобразную пробку, чтобы хоть как-то прижать эту артерию. Я так и поступил. А сержант крови пока не много потерял, бодрый еще, говорит: «Я в медроту не поеду, буду со своими ребятами». Я же как хирург знал: такое ранение опасно не только кровопотерей, но своей сложностью. Чтобы остановить кровотечение из ягодичной артерии, необходима полостная операция живота, потому что подобраться к ней через ягодицу невозможно. Надо открывать живот и перевязывать эту артерию на расстоянии. То есть это очень серьезная операция. Такие ранения не часто, но бывают. И неопытных хирургов они вводят в заблуждение. Хирург идет на поводу у раненого, думает, что это пустяк…

Я обратился к комбригу с тем, чтобы срочно отправить этого сержанта в медроту. Комбриг недоверчиво: «Что, такое там тяжелое ранение?» И я ему объяснил, что боец в противном случае быстро истечет кровью.

Погрузили сержанта на машину и с охранением отправили в бригаду. Сержант этот потом долго на меня обижался, ругался: «Док, ты ни хрена не понимаешь! Разве это ранение – в задницу?» Я с ним не спорил. Мол, тебе приказано – выполняй.

Минное поле

– За инфекционным модулем южную сторону бригады прикрывало минное поле. Иногда мины срабатывали. Дикобраз пробежит или шакал. Вреда, в общем, никакого. Только шум да минутная тревога. Но так бывало только до тех пор, пока не приходило молодое пополнение…

Призывали обычных ребят. Часто им даже не говорили, что они попадут в Афганистан. Посылали их в Туркестанский военный округ, а после «учебки» перебрасывали самолетами в Кабул или еще куда-то. И вот такая партия прибывает к нам в Джелалабад. Мне, взрослому мужчине, тяжело было адаптироваться, а им, пацанам, уже уставшим от жары, перелетов, плохого питания, грязи, и того хуже. Но у меня, офицера, еще условия какие-то были – комната в модуле, душ… А у них что? Раз в неделю банька. Палатки. Пылища. Наряды бесконечные. А потом, они ж все видели… Бригада, к примеру, приходит с боевых действий, привозит с собой убитых и раненых. Они слышали эти рассказы, видели эти трупы.

И вот, как правило, когда приходило молодое пополнение, начинались «несчастные случаи». Иногда прострелили себе стопу, делая вид, что это произошло случайно: вот, чистил автомат, нажал на курок, получилась беда. Иногда кто-то из них брал взрыватель от гранаты, зажимал в руке, выдергивал чеку и прятал руку за стенку. Ему отрывало пальцы. Но самое страшное, когда молодые солдаты доходили до того, что решались пойти на минное поле, не понимая всей серьезности травмы, получавшейся в результате подрыва. Думали так: а, оторвет стопу, и все!

Вот лежишь, к примеру, отдыхаешь у себя в отделении в обеденный перерыв и слышишь довольно громкий хлопок со стороны минного поля. Всем сразу понятно – взорвалась мина. Мои ребята-санинструкторы вскакивают, хватают носилки, жгут, бинты, промедол и бегут туда. А я прислушиваюсь. Если слышу топот ног, крики и мат моих нукеров, понимаю – подрыв. Точно, приносят орущего солдатика. Жгут выше колена наложен. Не только стопы, ноги, можно сказать, уже нет.

А как получается? Он надеется, что оторвет только стопу, но мина-то действует довольно своеобразно. Наступил он на мину, происходит взрыв. Взрывные газы идут вверх и отслаивают от кости мышцы, нервы, сосуды вплоть до колена. С середины голени кожа вся в лохмотьях – черных и грязных, кости обугленные, куски кирзы и каблуков в мышцах… Сам орет – больно же. Наши ребята на него кричат. Ведь в самый жаркий час дня всем надо вставать – сестрам и санинструкторам готовить раненого и операционную, хирургам мыться на операцию. И зло всех разбирает, и дурака этого жалко.

Потом, когда с ним беседовали командиры, политработники, особисты: «Что ж ты, заср…, творишь?», он отвечал: «Лучше пусть я буду такой, но живой». И что с ним делать? Под суд отдавать?

Фотография на память

– В одном из боевых рейдов буквально на моих руках умер паренек-связист. Погиб из-за любопытства и неосторожности…

По-моему, ходили мы в провинцию Лагман. Сопровождали «зеленых». «Зелеными» мы называли военных правительственной афганской армии. Они должны были с нашей помощью и броневой поддержкой менять свои посты на подконтрольных территориях. Подконтрольными же территориями ущелья, пыльные дороги и кишлаки назвать можно было с трудом. Без нашей брони «зеленых» попросту уничтожили бы.

Ехали долго. Проехали Джелалабад. Останавливались, снова ехали. Фотографировались даже у машин. На одном фото остался паренек, который через два часа после съемки погиб…

В каком-то кишлаке, через который проезжала колонна, в очередной раз наткнулись на «духов». Начался обстрел со всех сторон. Колонна остановилась и стала отстреливаться. Судя по тому, как «духи» нас активно обстреливали, особых потерь они не несли. Стреляют и стреляют. Уже сумерки, темнеет, а они все обстреливают. Потом колонна все-таки потихоньку двинулась вперед, чтобы как-то уйти из-под огня. Переехали арык. Дорога вела из низины вверх. Впереди моей автоперевязочной шла машина связистов. С антенной, кунгом и со всякой аппаратурой внутри.

Под обстрелом, в кромешной темноте часть колонны вырвалась из кишлака. Особенно яростная стрельба осталась позади – оставшуюся часть «духи» продолжали долбить. Мы несемся дальше. Почти наугад держимся за ЗИЛком связистов. И вдруг с правой стороны очередь трассерами. Видно, что лупили из какого-то крупнокалиберного оружия. Очередь прямо перед нами. Били долго. Около десяти секунд. Водитель мой ударил по тормозам – я лбом в стекло. Потом очередь прекратилась, и мы снова рванули вперед. Остановились на плато рядом с остальными машинами колонны. На фоне давно остывшего заката можно было различить только силуэты машин, среди которых метались люди. Тут крик: «Доктора! Доктора! У нас раненый». Я подбегаю, спрашиваю, где? Меня подводят к машине связистов. Открывают кунг. Я понимаю, что раненый внутри и около него кто-то из ребят пытается оказать помощь. А там же темно, ничего не видно. Первое, что помню – запах мятной зубной пасты и еще чего-то… сладковатого. Я говорю, закрывайте дверь, окна заштрорьте. Что-то зажгли. Спичку или зажигалку… Стены кунга и аппаратура были заляпаны чем-то белым. Смотрю на раненого паренька. Лежит бледный, стонет, вся голова в крови. Я понял, что тут тяжелое ранение черепа и помочь будет очень сложно. Вытащили мы парня из кунга, затащили под мою автоперевязочную. Один связист заплакал: «Как же так?! Как же так?!» Тормошить его стал. Я говорю, мол, не нужно, дай мне разобраться. Начал ощупывать в темноте его голову, и рука провалилась в большую рану. А паренек раненый все стонет и стонет. Сердце еще бьется, кровь гоняет… Я ему целую пачку бинтов накрутил на голову, но чувствую, промокает. До рассвета еще часов шесть, до «вертушек» не дотянет. Я понял, что это конец. Перед смертью он начал очень громко стонать. Ввел ему четыре кубика промедола. Это большая доза. Ну, думаю, хоть парень умрет спокойно, без боли. Скорее всего, боли он не чувствовал, был без сознания. Хотя кто знает… Ведь если стонет, значит больно. После промедола он потихонечку у меня на руках затих.

Утром я узнал подробности того, как погиб связист.

Когда начался обстрел, два бойца, сидевших в кунге, легли на пол. Но одного одолело любопытство, и он захотел в окошко посмотреть, что же происходит. Поднялся – и вдруг удар в будку. Одна крупнокалиберная пуля разбила аптечку, в которой лежала зубная паста. Вторая досталась любопытному связисту. Весь кунг оказался заляпан пастой, мозгами, кровью и куриными перьями. Шустрые связисты умудрились под обстрелом добыть в кишлаке кур и спрятать их в кунге.

Теперь, стоит мне почувствовать сладковато-мятный запах пасты или куриного помета, – и сразу перед глазами эта картина возникает.

Вот таким образом погиб мальчишка-связист. Чего поднимался, высовывался? Лежал бы себе, как второй, и лежал…

Доктор сгорел!

Ту июльскую боевую операцию 1984 года Александр Иванович с сожалеющим вздохом назвал злополучной не только потому, что «духи» обстреливали колонну почти с самого ее выхода за пределы бригады (было много потерь, из-за чего комбриг Посохов с яростной отчаянностью кричал по рации: «Товарищ генерал! Делайте, что хотите! Отдавайте под трибунал, но я дальше не пойду! Я не могу больше смотреть на этих убитых пацанов!»), но еще и потому, что сам доктор Добриянец чуть не погиб.

Они возвращались через один из кишлаков, который проезжали сутки назад. Жители, по всей видимости, покинули дома в спешке, оставив скарб и животных. Колонна снова была остановлена и обстреляна. Александр Иванович перескочил в кунг автоперевязочной, с двумя санинструкторами улеглись на пол. Машина неожиданно подпрыгнула, словно на ухабе. Оказалось, под днищем разорвалась граната, пробила и подожгла бензобак. Водитель не запаниковал, выскочил, забарабанил в дверь будки: «Товарищ старший лейтенант, машина горит!» Схватили автоматы, вывалились из кунга и укрылись у глинобитного забора. Горящая машина перегородила довольно узкую дорогу остальной колонне, которую продолжали обстреливать «духи». Водитель Александр Цебинога снова бросился к машине. Ползком, обдирая руки о камни, рискуя получить пулю и сгореть заживо, влез в кабину, снял со скорости, вывернул руль влево и метнулся обратно к забору. Машина скатилась с дороги, освободив путь колонне. Через минуту бензобак взорвался. Автоперевязочная вспыхнула огромным факелом. А стрельба продолжалась. Колонна, задраив люки, двигалась дальше. Старший лейтенант Добриянец начал понимать, что его и санинструкторов просто не видят. В этот момент в душе наступило необъяснимое страшное спокойствие и чувство полной обреченности. Колонна уходила. А они оставались. Санинструкторы, завидев подбирающихся по дворам «духов» и что-то крича, начали отстреливаться.

Пыльный, уставший офицер сидел у глинобитного забора и отчетливо понимал, что стоит уйти последней машине, все будет кончено. И молодость, и надежды, и жизнь… Все оборвется и развеется в прах, похожий на горячий песок чужой и совсем не нужной ему земли.

«Оставьте патроны для себя», – тихо попросил он санинструкторов, яростно паливших куда-то поверх забора. Плен был бы хуже смерти.

И тут рядом с ними остановилась БМП. Приоткрылся люк и кто-то двумя пальцами дал понять, что готов забрать двух человек. Следующая машина подобрала самого Добриянца и водителя.

Кто-то поспешил доложить комбригу: «Доктор сгорел вместе с машиной». Когда колонна вырвалась из кишлака, старший лейтенант Добриянец столкнулся с Посоховым, тот мрачно сидел на броне, уперев руки в колени. Комбриг, увидев доктора, округлил глаза: «Добриянец, живой? Люди целы? Оружие с вами?» Получив утвердительный ответ, выдохнул и кивнул: «Ладно. Молодцы». А потом поднялся и зарычал: «Какая с… сказала, что доктор сгорел?!».

Холера

– В июле 1985 года из рейда вернулся десантно-штурмовой батальон. И вечером ко мне на прием привели двух изможденных, худых солдатиков. У обоих неукротимый понос и рвота. Бойцы явно подхватили какую-то инфекцию, и я отправил их в инфекционное отделение. Это отделение у нас было обособлено и даже обнесено заборчиком. Там имелись свои врачи. И как раз в это время на должности инфекционистов были прикомандированы из Союза два подполковника. Помогали нашему ротному инфекционисту.

Проходит буквально 10 – 15 минут, приводят еще троих солдат с такими же симптомами. Я и этих отправляю к инфекционистам. После этого солдат стали приводить по три-четыре человека каждый час. Я говорю командиру медроты: «Олег Александрович, картина вырисовывается непонятная. Эпидемия настоящая в бригаде». Мы с ним идем в инфекционный модуль. Оказалось, что там уже около двадцати страдальцев. Вообще никакие, лежат на кушетках, на кроватях. Им ставят капельницы в обе руки и струйно льют растворы, потому что у всех явные признаки обезвоживания. Инфекционисты же уперто повторяли одно и то же: это отравление. Да и сами солдаты рассказывали, что шли через какой-то кишлак, нашли там сад и поели фруктов. Другие говорили, что попили из колодца. Тут оба подполковника немедленно выдвинули предположение, что «духи» специально подсыпали какую-то гадость, чтобы отравить бойцов.

А вокруг санитары и санитарки не успевают очищать пол от жижи, вытекавшей из солдат. Командир медроты постоял, посмотрел на все это и сказал: «Мужики, а ведь это холера». Инфекционисты в один голос завопили: «Да вы что, с ума сошли?! Холера!», и начали доказывать ротному, что это не холера, а нечто совсем другое. ➤

Написано из госпиталя в Самарканде 19.09.1984 г.

«Здравствуй, дорогой Сережка!

Ну что ж, Серега, случилось то, чего я, в общем-то, ожидал. Гром грянул. Я, как у нас говорят, – «созрел», то есть заболел инфекционным гепатитом (желтухой).

…Вчера узнал результаты своих анализов. Судя по ним и по самочувствию, у меня легкая степень заболевания, а это значит, что все обойдется без особых осложнений.

Живется нам здесь довольно неплохо. Только вот выбраться никуда нельзя. Отделение наше все-таки инфекционное – за каменным забором и железными воротами. В общем, как в заключении, только что с комфортом. Вот пока и все, что я могу тебе написать о здешней моей жизни. Поэтому я, как обещал, как смогу, немного расскажу тебе об Афганистане.

Даже не знаю, Серега, с чего начать. Сейчас трудно поверить, что я там был и видел то, что видел, что пережил. И прошло всего-то три месяца. Не по себе становится от мысли, что еще мне там придется пережить. Но ничего. Не я первый и не я последний. Переживем, раз уж так получилось. Хочу, Серега, только предупредить тебя о том, чтобы ты не поддавался так, как я, чувству романтики. Всеми силами и способами, если прижмет, постарайся не попасть туда. Правда, меня немного успокаивает то, что по роду своей специальности ты будешь более-менее в безопасных условиях, если все-таки попадешь туда. Хотя куда там! Безопасных мест и должностей в «Афгане» нет. Это партизанская война. Там нет ни линии фронта, ни передовой, ни тыла. А война, Серега, самая настоящая. Погибнуть можно и в горах, и в воздухе, и идя на службу на территории части, и посещая духан (лавку), и в машине – везде. Такое впечатление, что все наши, каждый «шурави» (советский) в течение двух лет просто испытывает свою судьбу…

Насколько я понял, здесь, в Союзе, люди очень многого не знают и, может, от этого не могут полностью понять, что все-таки происходит. Страна наша большая, нас в ней 250 млн. И те убитые и раненые, которых отправляют оттуда, растворяясь в этой массе людской, не производят того ужасного впечатления, которое поражает там, в Афганистане. А там нас все-таки относительно немного. Я тебе скажу, что я, да и все, кто со мной служит, надеемся, что вот-вот должно что-то измениться. Должно же это, наконец, кончиться. Хотя конца пока и не видно.

Когда я приехал в Кабул на «пересылку» в первый раз, откуда меня отправили в Джелалабад, я уже там наслушался всякого. Но все-таки это воспринималось как-то неестественно. Но когда я приехал в Джелалабад, в бригаду, вышел на службу, то буквально на второй день увидел гору трупов, изуродованных пулями и гранатами.

Серега, ты не думай, что я что-то ➤

➤ преувеличиваю или сгущаю краски. В прямом смысле – гору трупов. Накануне один из наших батальонов вышел на караван и их там здорово зажали. Один взвод погиб почти полностью. И вот прилетают две пары «вертушек» и привозят убитых и раненых. Санитарных машин у нас мало. Поэтому раненых забирали от вертолетов только «санитарки». Трупы же отвезли к нам в медроту на грузовике и все сразу, чтобы отпустить поскорее «вертушки». Вот и привезли их сразу целую гору, наваленных друг на дружку.

Я сначала долго не мог прийти в себя. Ранеными занимался так, автоматически. А потом, когда раненые и убитые стали поступать почти ежедневно… Естественно, я это уже не воспринимал так болезненно, но привыкнуть к этому невозможно. Невозможно привыкнуть к тому, как солдаты плачут над своими сослуживцами, а офицеры над своими друзьями…, к тому, как на нас, врачей, смотрят вокруг, когда вечером еще раненый был вроде бы, о смерти и думать нельзя, а утром его уже уносили в погреб. Разве можно, Серега, смириться с тем, что дошло до того, что солдат радуется, когда ему отрывало стопу, зато он уедет в Союз…

Примерно через две недели я улетел на «вертушке» в первый мой рейд. Откровенно тебе скажу, было страшно. Тем более операция проводилась в 7 км от Пакистана, в ущелье, про которое «духи» заявили, что «нога «шурави» туда не ступит». Но все более-менее обошлось. Я был на КП, с комбригом, в горы не ходил. Да и операцию провели так, что убитых и раненых было немного. Работали в основном вертолеты, артиллерия и «Град». Но много ребят погибло из-за перегрева и недостатка воды.

Вторая операция была у меня самая длинная и «веселая». На ней и принял боевое крещение. В первый же день «духи» так обстреляли из минометов и безоткатного орудия наш лагерь, что ребята говорили: такой дерзости от них еще не видели. Серега, описать словами то, как летит мина, как она рвется в трех метрах от тебя, – невозможно. Машину посекло осколками. Ранило моего санинструктора, а то, что у меня осколок засел в предплечье, – заметил только тогда, когда он стал цепляться за рукав.

Это было вечером с наступлением сумерек. Всю ночь нас обстреливали. Раненых обслуживали под машинами. А утром опять солнышко, чистое небо и тишина…

Вечером опять обстрел – уже по движущейся колонне и почти в упор. Из гранатометов подбили 4 БМП. Можешь представить, сколько было убитых и раненых. Я еще радовался и удивлялся, как это моя «автоперевязка» со своей высокой будкой осталась цела. И нарадовался… На следующий день в одном из кишлаков нас снова зажали, да так, что голову колонны не выпускают из кишлака и назад не пускают. Вызвали вертолеты, стало немного легче. Колонна двинулась. И вот как я только выехал на чуть откры-

➤ Ротный послушал «спецов» и пошел звонить в Кабул. Его подозрения в вышестоящей инстанции восприняли почти так же, как и местные инфекционисты. К ночи в инфекционном модуле безостановочно поносило уже около 30 человек. Вызвали на подмогу терапевтов, так как необходимо было постоянное вливание заболевшим растворов. Ночью врачи не спали. Умерли два солдата. На следующий день еще двое.

Из Кабула на вертолете примчалась новая группа инфекционистов и лаборантов. Опасения командира медроты полностью подтвердились – холерный вибрион. Что делать? Нужно же докладывать «наверх»! И вот, помню, как они ходят друг за другом и с отчаянием говорят: «Ну давайте еще раз проверим! Представляете, что будет, если доложим в Москву о холере, а окажется, что это не так?!»

В Москву доложить все равно пришлось. Моментально прилетел главный инфекционист Министерства обороны СССР генерал Перепелкин и с ним целая команда. Через три-четыре дня в Москве срочно сформировали госпиталь особо опасных инфекций, и через Ташкент, минуя Кабул, перебросили со всем хозяйством в нашу бригаду. Объявили в бригаде карантин, создали несколько зон ограждения. «Подозрительных» на холеру выявили около сотни человек, и сорок непосредственно больных.

К счастью, никто больше не умер. Но встал вопрос о том, как хоронить тех четверых. И что вообще делать дальше? Такая картина: сидит в моем приемно-сортировочном отделении группа полковников и решает, кто же будет докладывать начальнику Генерального штаба Вооруженных Сил СССР о происшествии. Докладывать первым никто не хочет. В конечном итоге подзывают меня и говорят: «Товарищ старший лейтенант, вы сейчас будете докладывать. Вот вам текст. Никаких лишних слов. Понятно?». Я говорю: «Есть». Дают мне телефон. Минут пятнадцать вызов шел до Москвы. И вдруг слышу абсолютно спокойный голос:

– С кем я говорю?

Вся когорта с крупными звездами с надеждой и тревогой уставилась на старлея.

– Докладывает старший лейтенант Добриянец, начальник приемно-сортировочного отделения медицинской роты 66-й мотострелковой бригады.

– Это Джелалабад?

– Так точно.

– Ну, рассказывайте, что у вас там за обстановка.

Я прочел составленный полковниками текст. На том конце провода потребовали главного инфекциониста. Когорта облегченно вздохнула – первым никто из них не оказался.

Умерших решили отправить в Союз, хотя в начале была у кого-то мысль хоронить их на месте. Из Кабула привезли металлические ящики для рентгеновской аппаратуры. Четверых ребятишек уложили в эти ящики, пересыпали дезинфицирующим средством и запаяли.

С одной стороны, это, конечно, страшно, когда холера. С другой, мы немножко передохнули. От раненых, от убитых… В течение почти месяца бригада не участвовала в боевых действиях. ★

тое место – сразу взрыв под машиной… Только выскочили, а машина уже пылает. БМПэшки нас подобрали, вывезли. Вот такой был этот рейд. 3-й и 4-й рейды прошли более-менее благополучно, если не считать того, что наш танк упал в пропасть, погиб водитель-механик.

Вот описал тебе немножко мои рейды, хотя, конечно, рассказывать о них можно еще и еще. И то, как присутствовал на допросах с «пристрастием», приводил «духов» в чувство. Сначала было страшно, но потом… нормально. Присутствовал на расстрелах. Сожаления никакого, только потом долго не верилось, что все это было со мной. Успокаивал себя тем, что видел трупы наших ребят, которые попадали им в плен, над которыми издевались с исключительным садизмом, а потом изуродованные трупы, со снятыми скальпами и вспоротыми животами подбрасывали на дорогу, то есть нам. Вот это потом наплывает на мозги какой-то пеленой, и уже ни о чем не хочется думать. Только порой стараешься сосредоточиться, чтобы хорошо все это зафиксировать в памяти, такое забывать нельзя.

А вот сейчас сижу здесь, в чистоте, уюте, слушаю веселенькую музыку. А что остается делать?

В общем, Серега, все это было бы довольно интересно и увлекательно, если бы был уверен, что не под твоей машиной разорвется когда-нибудь мина и не тебя будут складывать по частям в плащ-палатку, или не твои конечности будут хирурги сбрасывать с операционного стола в таз, и не твои близкие будут читать трафаретное извещение и выслушивать сочувственные речи представителей военкомата. Каждый раз, когда я вижу на носилках убитых наших солдат, раздирает душу обида и досада за то, что никто так до конца и не понимает – зачем это? И каждый раз холодит спину чувство и мысли, что вот так же безразлично и безучастно можешь лежать на носилках под плащ-палаткой и сам.

Конечно, об этом думать нельзя, но от этого никуда не денешься.

Ну вот пока и все, дорогой мой братик.

Когда мы встретимся с тобой за душевным разговором я, конечно, расскажу тебе больше, поделюсь своими соображениями, впечатлениями. В письме всего не опишешь, да и не мастер я рассказывать об этом. Но очень хочется, чтобы ты по-настоящему почувствовал весь ужас того, что я увидел и пережил. И не дай Бог тебе оказаться там. И не дай Бог, чтобы всем нам пришлось это пережить. Все-таки война – это действительно самое страшное, что может ожидать людей…».

Юрий СТРИГЕЛЬСКИЙ,
корр. журнала «Армия»

MILEX набирает обороты

17 – 20 мая в Минске состоялась выставка вооружений и военной техники MILEX-2005. Присутствовавший на церемонии открытия первый заместитель премьер-министра Беларуси Владимир Семашко сказал: «То, что выставка проводится на регулярной основе и получила международное признание, свидетельствует о том, что MILEX стал визитной карточкой белорусского военно-промышленного комплекса».В третьей по счету и уже ставшей традиционной выставке приняли участие более 120 предприятий, компаний и организаций Беларуси, России, Украины, Финляндии. Присутствовали более 20 зарубежных делегаций